

СЮЖЕТ О БЛАГОДАРНОМ ЛЬВЕ В «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ» А. С. ПУШКИНА

Сопоставление «Капитанской дочери» как с конкретными текстами современников и предшественников автора, так и с некоторыми жанровыми традициями — одно из основных направлений в изучении пушкинского произведения. Исследователи находили в нем черты авантюрно-исторического и любовного романа, романа воспитания, семейной хроники и автобиографических записок, а также следы воздействия фольклорных жанров — прежде всего, волшебной сказки.

В смысловой структуре «Капитанской дочки» эти, порой весьма не схожие, традиции не отрицают, но естественно дополняют друг друга. Так, И. П. Смирнов обратил внимание на эквивалентность фольклорной (висящее на стене зеркальце) и христианской (горящая лампадка) символики при описании разгромленной пугачевцами комнаты Марьи Ивановны (глава «Незванный гость»): оба предмета истолковываются как знак спасения героини.¹ Пророческий сон Гринева в главе «Вожатый» вызывает закономерные ассоциации с вещими снами фольклорных персонажей. Вместе с тем уже начальные строки посвященного ему отрывка («Я находился в том состоянии чувств и души, когда сущность, уступая мечтаниям, сливается с ними в неясных видениях первосония»²) указывают и на его тесную связь с актуальными для эпохи размышлениями о пограничных состояниях человеческой психики, о природе сновидческих прозрений — размышлениями, отразившимися, например, в знаменитом «Ключе к таинствам природы» (1794) немецкого мистика К. Эккартсгаузена³ или в стихотворении Е. А. Баратынского «Последняя смерть» (1827): «Есть бытие; но именем каким / Его назвать? Ни сон оно, ни бденье; / Меж них оно...».⁴ Характерная полигенетичность текста «Капитанской дочки» обуславливает и его полисемантическую.

Отмеченные свойства присущи не только отдельным фрагментам пушкинского повествования, но и произведению в целом. Быть может, наиболее ярко они проявляются в его одновременной ориентации на сюжетику и образную систему как исторического романа вальтер-скоттовского типа, так и волшебной сказки. Еще в 1928 году на эту особенность обратил внимание В. Б. Шкловский, выделивший в «Капитанской дочке» несколько «цитатных тем»: «Помощный разбойник. Он же в прошлом помощный зверь. Герой оказывает разбойнику услугу. Разбойник его потом спасает. Тема старая, живучая (...). К Пушкину она могла скорей всего попасть от Вальтер-Скотта из „Роб Роя”».⁵

Если у Шкловского сказка предстает главным образом как архетипическая основа романа авантюрно-исторического типа, то И. П. Смирнов, подробно разработавший проблему соотношения обоих жанров, пишет и о *непосредственном* обращении Пушкина к народно-поэтической традиции, указывая на значение мифопоэтического слоя «Капитанской дочки» как определяющего многие особенности поэтики произведения.⁶ Воссоздавая исторический колорит эпохи, в духе Вальтера

¹ Смирнов И. П. От сказки к роману // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. История жанров в русской литературе X—XVII вв. С. 314.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. 1837—1937. [М.; Л.], 1938. Т. 8. Кн. 1. С. 289. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера страниц.

³ Прежде всего, в разделах «О предсказаниях и пророчествах» и «О сне, дремоте и состояниях лунатиков и истеричных».

⁴ Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 130 (сер. «Литературные памятники»).

⁵ Шкловский В. Гамбургский счет. Л., 1928. С. 31.

⁶ Смирнов И. П. От сказки к роману. С. 304—320.

Скотта рисуя минувшее «домашним образом», пушкинское сочинение в то же время следует «законам волшебной этики и эстетики»,⁷ воспроизводит логику сюжетного развития сказки, передает ее пафос.

Помимо собственно романного и сопутствующего ему «сказочного» прочтения истории отношений Гринева и Пугачева, «Капитанская дочка» предлагает (пусть факультативно) возможность ее истолкования в духе народных легенд о возвращающемся царе-избавителе. Объясняя мотивы своих поступков, самозванный Петр III — Пугачев говорит спасенному от смерти Гриневу: «Ну, думал ли ты, <...>, что человек, который вывел тебя к умету, был сам великий государь? <...> Ты крепко передо мною виноват <...> но я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принужден я был скрываться от своих недругов. То ли еще увидишь! Так ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?» (с. 331—332).⁸ Более того, все та же цепочка событий (услуга, оказанная Гриневым Пугачеву — чудесное спасение героя в момент жестокой расправы над защитниками Белогорской крепости — разгадка произошедшего (встреча с Пугачевым после казни) — новая угроза жизни Гринева, вторично захваченного мятежниками, — новая защита со стороны Пугачева, его помощь в соединении с невестой) способна вызвать в сознании читателя еще одну литературную параллель — классический сюжет о благодарном льве, в минуту опасности выручающем своего благодетеля. На возможность такого дополнительного прочтения указывает подобранный «издателем» записок Гринева⁹ эпитафия к XI главе «Капитанской дочки» («Мятежная слобода»):

В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп.
«Зачем пожаловать изволил в мой вертеп?»
Спросил он ласково

(с. 344)

Авторство приведенных строк Пушкин приписал А. П. Сумарокову. Тот факт, что это мистификация, был обнаружен Т. Г. Цявловской-Зенгер при изучении рукописей «Капитанской дочки»: «Впервые транскрибируемый нами текст эпитафия дает, по-видимому, картину творчества Пушкина, а не записи стихов Сумарокова по памяти. Что стихи — сочинение Пушкина, стилизовавшего под Сумарокова, подтверждается и тем обстоятельством, что у Сумарокова их нет».¹⁰ Следом за Цявловской-Зенгер к аналогичному выводу пришел и В. Б. Шкловский, предложивший вместе с тем первую по времени трактовку эпитафия-мистификации: «Окончательно уточнить отношение Пушкина к Пугачеву помогает нам XI глава, названная Пушкиным „Мятежная слобода“. <...> Я тщательно перечел Сумарокова, сразу не поверив в этот эпитаграф. В нем ход стиха не сумароковский. У Сумарокова источника этого эпитаграфа я не нашел». «Ссылка на Сумарокова позволила Пушкину назвать Пугачева львом. В той же главе сам Пугачев рассказывает Гриневу сказку <...>».¹¹ При помощи эпитафия, <...> при помощи калмыцкой сказки

⁷ Там же. С. 308.

⁸ Ср. с элементами описанной К. В. Чистовым устойчивой сюжетной схемы этих легенд, включающей, в частности, рассказ о бегстве справедливого правителя от своих врагов, его странствии по Руси, о встречах с неузнанным государем, его возвращении и последующем воспарении, сопровождающемся пожалованием сторонников (*Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. С. 30—32*).

⁹ «Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с дозволения родственников, издать ее особо, приискав к каждой главе приличный эпитаграф» (с. 374).

¹⁰ [Зенгер Т. Г.]. Эпитафия к XI главе «Капитанской дочки», стилизованный под А. Сумарокова. Примечания // Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 221.

¹¹ Об орле и вороне. — А. К.

Пушкин в одной главе называет Пугачева львом и орлом, т. е. по поэтическому словарю того времени точно называет его царем».¹²

Спустя десятилетия эту точку зрения оспорил В. С. Листов. Высказанные Шкловским соображения, считает он, «не снимают <...> вопросов — об источниках стихотворения, об оттенках смысла псевдосумароковских строк»: «... у Шкловского намек на едва ли не царственное достоинство Пугачева, как бы выраженное Пушкиным иносказательно. Думается, направление мыслей Пушкина не было ни столь государственно, ни столь просто».¹³ По предположению Листова, эпиграф к XI главе мог быть подсказан Пушкину стихотворным переводом ветхозаветной Книги «Плач Иеремии», принадлежащим протоиерею Г. А. Пакатскому. В одном из ее фрагментов для испытаний, посланных пророку Богом, предложено такое сравнение:

Подобно как медведь с кохтеобразной дланью
Стремится за своей обыкновенной данью,
Как лев в отверзии вертепа своего
Приближенные ждет там жертвы для него,
Так ярость Ты свою излил на мне едином...¹⁴

Едва ли не решающую роль в аргументации Листова играет «лексическое соответствие» между обоими текстами: «...подобно Пакатскому, Пушкин в эпиграфе обозначает ту же ситуацию: лев в вертепе». Называя логово льва вертепом, продолжает автор, Пушкин «обозначает едва только скрытую угрозу для своего героя. „Толковый словарь” В. Даля определяет „вертеп” как „пещеру, притон, скривище каких-то дурных дел”». В этом смысле слово употребляется и Пушкиным; тут не может быть сомнений».¹⁵ Такая интерпретация выглядит весьма странно. Из нее следует, что, приветствуя гостя, Пугачев-лев *сам* называет свое пристанище притоном, «скривищем дурных дел». Несомненно, слово «вертеп» выступает в эпиграфе в своем исходном значении — «пещера»,¹⁶ допускающем, если учесть содержание предваренной им главы, возникновение дополнительных смыслов — и негативных, и комических. Последние подсказаны театральностью поведения мятежников:¹⁷ «Пугачев сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке, и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом приторного подобострастия» (с. 347) и т. п.

Сомнения вызывает и другое суждение Листова: «В эпиграфе лев <...> — средоточие греха». Аргументов в пользу такого прочтения Листов не приводит, подменяя их отсылкой к стихотворению «Напрасно я бегу к сионским высотам...», где «грех алчный» уподобляется «голодному льву».¹⁸ Но вспомним строки эпиграфа: «В ту пору лев был сыт, / <...> Спросил он ласково». О воплощенном ли грехе здесь идет речь?

¹² Шкловский В. Заметки о прозе Пушкина. М., 1937. С. 114, 116.

¹³ Листов В. С. К истолкованию эпиграфов «Капитанской дочки» // Пушкин и мировая культура: Материалы шестой Международной конференции. СПб.; Симферополь, 2003. С. 126.

¹⁴ Цит. по: Листов В. С. К истолкованию эпиграфов «Капитанской дочки». С. 127.

¹⁵ Там же. С. 128. Свое истолкование Листов подкрепляет отсылкой к 3-й главе «Истории Пугачева», где ставка бунтовщиков — Бердская слобода — прямо характеризуется как разбойничий притон — «вертеп убийств и распутства». Таким образом, оценка, данная в историческом труде, переносится в текст романа.

¹⁶ «Пещера, полое в земле или горе место, в котором можно человеку или зверю скрываться» (Словарь Академии Российской. СПб., 1789. Ч. I. От А до Г. С. 625). Именно это значение слова «вертеп» предлагает в данном случае и «Словарь языка Пушкина» (М., 1956. Т. 1. А—Ж. С. 244).

¹⁷ Помимо прочего, вертепом называли и кукольный театр — «зрелище в лицах, устроенное в малом виде, в ящике, с которым ходят о святках» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. А—З. С. 182). Наряду с религиозным, эти представления могли иметь и светское содержание.

¹⁸ Листов В. С. К истолкованию эпиграфов «Капитанской дочки». С. 128.

Тем не менее претензии автора статьи к трактовке Шкловского вполне справедливы. Шкловский обоснованно пишет о том, что «во времена Пушкина сохранилась отчетливая семантика звериных образов». ¹⁹ Однако в культуре XVIII — начала XIX веков семантика льва далеко не сводилась лишь к мощи и царственному величию.

В фольклоре и мифологии лев наделяется многообразной, в основном позитивной символикой. ²⁰ В христианском «символическом зверинце» он может воплощать идеи как грядущего воскресения, так и зла, смерти. ²¹ Разнородные смыслы связываются с ним в ренессансной и барочной эмблематике: «Лев есть знак отважности, силы, храбрости, милости, великодушия, гнева, неистовства, доброго царствования и земледелия. <...> Лев мертвый — знак бессилия, ничтожности и презрения». ²² Античная зоология, лежащая в основе многих эмблематических толкований, останавливается, главным образом, на привлекательных качествах царя зверей. «Из всех диких животных одному лишь льву присуще сострадание к молящим, — пишет в восьмой книге своей «Естественной истории» Плиний Старший, — он щадит поверженных врагов, а в неистовстве обращает свой гнев скорее на мужчин, чем на женщин; на детей же он нападает лишь в том случае, если ужасно голоден» (XIX, 48), «львы безопасны, когда сыты» (XIX, 49). ²³ В каталог духовных свойств льва, сближающих его с человеком, Плиний включает также благородство и гордость.

В широко распространенной в предпушкинскую эпоху естественнонаучной (в большой степени беллетризованной) и дидактической литературе (часто эти два рода словесности трудноразличимы) лев описывается как «зверь наисверепейший, однако многие подобию добродетелей имеющий». ²⁴ По словам знаменитого натуралиста Ж. Л. Бюффона, он «содержит в памяти благодарность за оказанные благодеяния. <...> гнев его благороден, смелость его великодушна, природа его чувствительна. Часто видали его гнушавшимся малыми врагами, презирающим их наступчивости и прощающим досадительные их вольности; видали его <...> дарующим иногда жизнь осуждаемым на смерть, поверженным ему в снедь. Он, как получа к ним привязанность после сего великодушного действия, продолжает им потом свое покровительство, живет с ними кротко, уделяет им от своей пищи». В отличие от других хищников, например, волка или тигра, «лев не кровожаждущ, поелику он к сему токмо необходимости побуждается и истребляет столько, сколько употребить может, *когда же он насытится, то совершенной хранит мир*». ²⁵ «Лев, — вторит Бюффону анонимный автор, — будучи великодушен, благороден и храбр, забывает силу, которую дала ему природа, защищает невинность и слабость, живет спокойно с жертвами, принесенными или его кровожадному свирепству, или всеобщей ненависти, или удовольствию народа, жаждущего крови и убийства. <...>

¹⁹ Шкловский В. Заметки о прозе Пушкина. С. 112.

²⁰ См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Лев // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 41—42.

²¹ Соколов М. Н. Лев // Там же. С. 42—43.

²² Емблемы и символы избранные, на российский, латинский, французский и аглицкий языки преложенные, прежде в Амстердаме, а ныне в граде св. Петра, напечатанные, умноженные и исправленные Нестором Максимовичем-Амбодиком. [СПб.,] 1788. С. XLIV.

²³ Плиний Старший. Естественная история // Труды исторического факультета МГУ. М., 2012. Т. 53. С. 201, 202 (пер. И. Ю. Шабага).

²⁴ История зверей, содержащая изображение их свойств, также симпатий и антипатий: с прибавлением способов, коими они уловляемы быть могут: с приложением повестей, служащих к забаве читателей: и с приобщением по приличию нравочуений, касающихся к исправлению человеческих нравов. Переведена с латинского языка на российский К. А. П. СПб., 1779. С. 23.

²⁵ Естественная история льва // Всеобщая и частная естественная история графа де Бюффона, преложенная с французского языка на российский академиком Иваном Лепехиным. СПб., 1806. Ч. IX. С. 123. Здесь и далее во всех цитатах курсив мой. — А. К.

Чувствительная душа дородна (должна? — А. К.) восхищена и тронута быть сими примерами умеренности и человеколюбия. Добродетели сии столь велики, что всякому должно стараться о наклонности к ним. Они научаются великих людей прекрасному употреблению их власти и могущества». ²⁶ «Не без причины называют льва царем животных <...>. Сила сего животного соответствует его мужеству, а великодушные есть первая его добродетель. Он умеет побеждать и прощать». ²⁷ О том, что Пушкин был близко знаком с сочинениями такого рода, свидетельствуют, в частности, отброшенные строки его стихотворения «Напрасно я бегу к сионским высотам...» (1836): «Так, ревом яростным пустыню оглашая, / По ребрам бья хвостом и гриву потрясая...», ²⁸ почти дословно совпадающие со следующим фрагментом «Естественной истории льва» Бюффона: «Рыкание льва толь громкое и сильное, что когда оное слышимо бывает ночью в степях и дебрях по отголоску, то уподобляется громовому звуку»; «Рык, испускаемый им в сердцах, еще страшнее обыкновенного, тогда бьет он хвостом своим по бокам и ударяет им по земле, вздымает свою гриву». ²⁹

Приведенные характеристики фиксируют множество позитивных качеств льва. Но милосердие, чувствительность, терпимость лишь дополняют и оттеняют основные атрибуты «сильнейшего, отважнейшего и *страшнейшего* зверя на земле», ³⁰ в сочетании с ними кажутся особенно удивительными. Именно так выглядят и добродушие «свирепого» по натуре животного в пушкинском эпитафье, ³¹ и поведение уподобленного ему Пугачева в главе «Мятежная слобода», когда, вопреки предположениям захвативших Гринева бунтовщиков («...наш батюшка <...> волен приказать: сейчас ли вас повесить, али дожждаться свету божия» (с. 346)), он встречает пленника неожиданно приветливо («ласково»): «Пугачев узнал меня с первого взгляду. Поддельная важность его вдруг исчезла. „А, ваше благородие!“ — сказал он мне с живостию. — „Как поживаешь? Зачем тебя бог принес?“» (с. 347).

Строки эпитафья-мистификации «анонсируют» события предваренной ими главы, но делают это особым образом, намечая возможность их иносказательного изображения. Переводя происходящее из конкретного в условный план, они подсказывают литературные ассоциации, важные для восприятия всей истории отно-

²⁶ [Б. п.] Лев // Магазин натуральной истории, физики и химии, или Новое собрание материй, принадлежащих к сим трем наукам, заключающее в себе важные и любопытные предметы оных, равно как и употребление премногих из них во врачебной науке, в экономии, земледелии, науках и художествах. М., 1789. Ч. 6. С. 6—7.

²⁷ Бюффон для юношества, или Сокращенная история грех царств природы, сочиненная Петром Бланшардом для молодых людей обоюбо пола и для желающих иметь понятие о естественной истории, с приложением многих гравированных картин / Пер. с фр. 3-го изд., испр. и умноженного. М., 1814. Т. 1. С. 273.

²⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977. Т. 3. С. 468.

²⁹ Всеобщая и частная естественная история графа де Бюффона. Ч. IX. С. 137, 138. (В оригинале: «Le rugissement du lion est si fort que quand il se fait entendre, par échos, la nuit dans les déserts, il ressemble au bruit du tonnerre». «Le cri qu'il fait lorsqu'il est en colère, est encore plus terrible que le rugissement; alors il se bat les flancs de sa queue, il en bat la terre, il agit sa crinière <...>» ([Buffon G. L.] Histoire naturelle, générale et particulière... Paris, 1761. Т. IX. Р. 22, 23). Любопытно при этом, что, отказываясь при переработке текста стихотворения от яростного греха в пользу греха, неотступно преследующего, Пушкин вступает в противоречие с Бюффоном. В «Естественной истории» отмечено: «...лев не чует запаха, исходящего от других животных, и <...> ловит их по назору, а не гоняясь за ними по духу» (с. 136). Напротив, в стихотворении Пушкина «...ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий, / Голодный лев следит оленя бег пахучий» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 3. С. 335).

³⁰ Естественная история для малолетних детей г. Георга Христиана Раффа, учителя истории и географии в Геттингенском училище. Пер. с нем. языка Василием Левшиным. СПб., 1785. Половина вторая. С. 110.

³¹ Весьма вероятно, что пушкинское описание утолившего голод льва («В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп») также основано на «Истории» Бюффона: «Когда же он насытится, то совершенной хранит мир» (ср. у Плиния: «...львы безопасны, когда сыты»).

шений Гринева и Пугачева-льва — жестокого и одновременно великодушного, «изверга, злодея для всех, кроме» (с. 358) главного героя «Капитанской дочки».

Утверждения, о том, что львам присущи великодушные и признательность, в научной и дидактической литературе XVIII — начала XIX веков нередко иллюстрируются примерами-доказательствами. В этом качестве использовались, прежде всего, две истории — о поразительной дружбе льва и брошенной ему на растерзание собачки³² и о невольнике Андрокле (в некоторых версиях Андроде), когда-то излечившем больного льва и впоследствии спасенном им от смерти (обе они публиковались и как самостоятельные произведения).

Источник повести об Андрокле и льве — сборник древнеримского автора Авла Геллия «Аттические ночи» (кн. V, гл. 14), в котором она изложена со слов грамматика и писателя Апиона.³³ Вслед за ним и, вероятно, с опорой на него этот рассказ в свободной форме воспроизвел в своей книге «О природе животных» (кн. VII, гл. 48) древнеримский писатель Клавдий Элиан.³⁴ Обе версии (прежде всего, первоначальная) в дальнейшем получили широкое распространение. Близко к тексту «Аттических ночей» история Андрокла-Андрода пересказана, в частности, в прекрасно знакомых Пушкину «Опытах» М. Монтеня (кн. II, гл. XII).³⁵ «Что касается благодарности животных (ибо мне кажется, что это слово вполне применимо к ним), — начинает свой рассказ Монтень, — то достаточно привести пример, о котором сообщает Апион и свидетелем которого он был. Однажды, (...) в Риме для народного увеселения был устроен бой редких зверей, главным образом львов необыкновенной величины, среди них привлек общее внимание один лев, выделявшийся своим свирепым видом, силой, огромными размерами и грозным рычанием. Среди рабов, которые были выбраны для сражения с этими львами, находился некий Андрод, (...) принадлежавший одному римскому вельможе, имевшему звание консула. Названный лев, издали увидев Андрода, внезапно остановился и словно замер от восторга. Потом он ласково, кротко и мирно приблизился к нему, как бы стараясь распознать его. Убедившись, что это был тот, кого он искал, он принялся вилать хвостом, как это делают собаки, приветствуя своих хозяев, целовать и лизать руки и ноги этого несчастного раба, который дрожал от страха и был сам не свой. Но через некоторое время, убедившись в доброжелательности льва, Андрод собрался с духом и открыл глаза, чтобы рассмотреть его, и тут произошло нечто необыкновенное. К неописуемому удовольствию публики, лев и раб стали приветствовать и ласкать друг друга. При виде этого народ стал испускать радостные крики, приветствовать это зрелище. Тогда император велел позвать раба и приказал ему объяснить причину такого странного происшествия. В ответ на это раб рассказал следующую, дотоле неизвестную и примечательную историю: когда-то он бежал от своего жестокого господина — проконсула в Африке и, обнаружив «укромную и недоступную пещеру, (...) поспешил спрятаться в ней». Вскоре к пещере — своему логову — подошел лев, страдающий от боли в раненой лапе. Поначалу смертельно испугавшийся, Андрод вылечил льва. С тех пор они жили вместе, пи-

³² См. об этом подробнее: *Карпов А. О «Львах и собачках»* (в связи с рассказом Л. Н. Толстого) // *Лев Толстой в Иерусалиме: Материалы международной науч. конф. «Лев Толстой: после юбилея»*. М., 2013. С. 236—260.

³³ См.: *Геллий А. Аттические ночи*. Книги I—X. СПб., 2007. С. 273—276 (сер. «Bibliotheca classica»). Первый русский перевод: *Авла Геллия Афинских ночей записки, содержащиеся в двадцати книгах*. Переведены с латинского языка в Московской Славено-Греко-Латинской Академии. М., 1787. Ч. I. С. 274—277.

³⁴ См.: *Элиан К. О природе животных // Поздняя греческая проза / Сост. С. Поляковой*. М., 1961. С. 535—536.

³⁵ По словам Б. В. Томашевского, «Монтень Пушкин (...) читал, перечитывал и цитировал. (...) Монтень, по-видимому, входил в круг постоянного чтения Пушкина» (*Томашевский Б. В. Пушкин и Франция*. Л., 1960. С. 104). В библиотеке поэта имелись «Опыты» в парижском издании 1828 года (*Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание)*. СПб., 1910. № 1185).

таясь одной пищей. Затем Андрод покинул льва, был схвачен и возвращен в Рим к прежнему хозяину. «Он тотчас же приговорил меня к смерти и велел отдать меня на растерзание зверям. Очевидно, вскоре после того, как я был схвачен, пойман был и этот лев, который сейчас старался отблагодарить меня за оказанное ему благодеяние — за исцеление, которое я принес ему». По просьбе присутствующих Андрод и лев были отпущены на свободу. «Завидя их, все говорили: „Вот лев, который радушно приютил у себя в логове человека, а вот человек, вылечивший льва”».³⁶

Близость «Капитанской дочки» пересказанному Монтенем античному преданию, подчеркнутая и прямым сопоставлением Пугачева со львом, кажется очевидной. Разумеется, до некоторой степени она может быть объяснена тем, что оба произведения в конечном итоге восходят к некоему древнему протосюжету о воздаянии за совершенное добро. Однако их сближает не только общая тема признательности («Долг платежом красен», (с. 350)), но и подробности ее разработки. В обоих случаях неожиданным спасителем героя оказывается его потенциальный губитель, который узнает своего благодетеля во время публичной казни, а причины его поступка вначале остаются непонятны для героя. Милосердие избавителей выглядит тем более неожиданным, что ему предшествует проявление «свирепости» (лев) или жестокости (Пугачев). Как эмоционально подобное взаимному радостному узнаванию льва и Андрода может быть воспринято поведение Пугачева и Гринева при их первой после спасения героя встрече: «Несколько минут продолжалось обоюдное наше молчание. Пугачев смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной веселостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему» (с. 331). Хотя и в разных контекстах, в обоих произведениях говорится о встрече персонажей в пещере... Сопоставление «Капитанской дочки» с другими версиями рассказа об Андроде и льве позволило бы обнаружить и иные точки соприкосновения между этими сюжетами, однако, в отличие от книги Монтена, прямых свидетельств знакомства с ними Пушкина нет.

Особую популярность история Андрода-Андрокла приобрела в естественнонаучных и нравоучительных сочинениях и сборниках XVIII века. Уже в 1764 году, в письме к маркизе М. дю Деффан от 21 марта, Вольтер охарактеризовал ее как широко известную и совершенно исключительную по содержанию.³⁷ Рассказ об удивительной дружбе человека и хищника не раз появлялся и на страницах русской переводной литературы — «Естественной истории для малолетних детей» немецкого педагога Г. Х. Раффа,³⁸ журнала «Детское чтение для сердца и разума»,³⁹ сборника Я. И. Благодарова «Полезное и увеселительное чтение для юношества и всякого возраста»,⁴⁰ в отечественной версии знаменитой французской хрестоматии Л. П. Беранже и Э. Гибо «La morale en action, ou Élite de faits mémorables...» — «Нравоучение, представленное на самом деле...»⁴¹ (переводчик М. М. Вышеслав-

³⁶ Монтень М. Опыты: В 3 кн. 2-е изд. М., 1979. Кн. 1 и 2. С. 414—415 (сер. «Литературные памятники»).

³⁷ Correspondance complète de la Marquise Du Deffand. Paris, 1865. Vol. 1. P. 287.

³⁸ Естественная история для малолетних детей... Половина вторая. С. 117—123. В 1780-х годах книга Раффа переиздавалась в Германии практически ежегодно.

³⁹ Детское чтение для сердца и разума. 1786. Ч. V. С. 189—192.

⁴⁰ Естественная повесть о львах // Полезное и увеселительное чтение для юношества и всякого возраста, содержащее в себе нравоучительные повествования, некоторые статьи естественной истории, рассуждения, руководствующие к добродетели и мудрости, басни, анекдоты и проч. Собрано из лучших иностранных сочинителей. М., 1788. С. 48—53. Текст переведен здесь из журнала «Друг детей» («Der Kinderfreund») детского писателя и педагога И. Г. Кампе. О немецком источнике «повести» см.: Рак В. Д. Библиографические заметки // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 191.

⁴¹ Повесть о Андрокле и о льве // Нравоучение, представленное на самом деле, или Собрание достопамятных деяний и нравоучительных анекдотов, могущих внушить любовь к добро-

цев). Помимо прозаических, существовали и стихотворные обработки этой истории — восходящее к версии Элиана стихотворение «Лев» Симеона Полоцкого из сборника «Вертоград многоцветный»⁴² и, что в нашем случае особенно любопытно, основанная на рассказе Авла Геллия притча А. П. Сумарокова «Осужденник и лев»:⁴³

Проконсульской слуга во Африке утек;
 Но сей сыскался человек.
 Что я скажу о нем, тому поверить можно;
 Свидетель Аппион; так я скажу не ложно.
 Поиман раб, и в Рим раб беглый приведен;
 И к смерти осужден.
 Исполненны боязни,
 Ведутся грешники на место лютой казни,
 И быть растерзанны от яростного льва.
 Кого не утратит кончина такова!
 И кто не вострепещет,
 Коль смерти перед ним сия коса заблещет!
 Уже собрался град к позорищу сему;
 И выведен уж лев ко действию своему;
 Во осужденных кровь пред действием замерзает.
 Один по одному
 Неволею со львом сразиться дерзает:
 С лютейшей яростью несчастных лев терзает.
 И сей раб выведен, который убежал:
 Ужасная кончина зрима;
 Омлел и задрожал;
 Не будет больше зреть и света он, и Рима:
 Лев бросился к нему, разинул страшный зев;
 Но вдруг остановился лев,
 И озирает он невольника прилежно,
 Потом, любовь со жалостью смеся
 И в виде ласковом веселье износя,
 Он лапами сево раба объемлет нежно.
 Все зрители пришли во удивленьи сим;
 И от чево сие, не понималось им;
 Но жизнь раба не прекращенна,
 Вина ухода отпущенна,
 Свобода возвращенна.
 Ко излианию таких ему отрад
 Со щедрою судьбой согласен был и град.
 От пагубы раба зверь дикий избавляет;
 Андрод, раб тако слыл, гражданам объявляет:
 Как я ушел,
 В пустынях некогда к великому мне страху,
 Бежал сей лев ко мне с пресильного размаху
 И в ужасе меня трепещуща нашел;
 Но всю оставив люту грозу,
 Ласкает он меня,
 И предо мной стена,

детели и усовершенствовать молодых людей в искусстве повествования. М., 1790. Ч. I. С. 22—26.

⁴² В отличие от Авла Геллия, начинающего свой рассказ с кульминационного эпизода в цирке и лишь потом объясняющего произошедшее, Элиан излагает события в хронологической последовательности, что заметно снижает драматизм повествования. Так же строится и стихотворение Симеона Полоцкого.

⁴³ Оба стихотворения отмечены в связи с сюжетом «Лев Андрокла» в кн.: *Malek E.* Русская нарративная литература XVII—XVIII веков: Опыт указателя сюжетов. Łódź, 1996. С. 84—86.

Боль чувствуя, казал мне в лапе лев занозу;
 Я вон ее извлек: лев ластился ко мне,
 И жил по том я купно
 В пустынной той стране
 Со зверем неотступно.
 Когда прошла с ним жить охота там моя,
 Хотя я жил и без боязни,
 Сокрывшись тайно я,
 Поиман, изведен на место лютой казни.⁴⁴

Как видно, вопреки ранее высказанным мнениям, среди произведений Сумарокова все же находится текст, хотя бы отдаленно напоминающий пушкинский эпиграф-мистификацию. Вполне возможно, что именно притча «Осужденник и лев» подсказала автору «Капитанской дочки» идею приписать Сумарокову свою стилизацию, а может быть, и подтолкнула к ее созданию. Интересно, что заключительные строки другой подделки — псевдокняжнинского эпиграфа к главе «Арест» — «Извольте, я готов; но я в такой надежде, / Что дело объяснить дозволите мне прежде» (с. 360) — также находят некоторое соответствие в реплике Простодума из комедии Княжнина «Хвастун» («Так должен был мое он кончить дело прежде, / Ты можешь потерпеть и быть дотоль в надежде»).⁴⁵ Это позволяет говорить об определенных приемах Пушкина-мистификатора.

Наряду с обработками рассказов Авла Геллия и Элиана в литературе XVIII — начала XIX века встречаются и вольные интерпретации сюжета о благодарном льве-спасителе. Такова, к примеру, «нравоучительная сказка» «Альфонс и Далинда, или Волшебство искусства и природы» из «Деревенских вечеров» Н. М. Карамзина — перевода-переделки книги С. Ф. Жанлис «Вечера в замке, или Уроки морали применительно к детскому возрасту». Странствующий португалец Альфонс находит в Африке умирающего льва и оказывает ему «все возможные услуги».⁴⁶ Спустя некоторое время герой участвует в травле льва, опустошавшего землю одного из арабских «королей», и оказывается беззащитным перед раненым животным: «Злобной лев достигает Альфонса и втыкает когти свои в бока лошади. Обезоруженной, Альфонс почитает смерть свою неизбежною (...) Но — какое удивление! какая нечаянная радость! Едва бросает лев пламенные глаза на добычу свою, как вдруг оставляет все свирепство свое, ложится подле Альфонса, подымает окровавленную свою лапу, раненую стрелой, кладет ее тихо Альфонсу на руку, показывает ему рану свою и просит, кажется, о помощи. Альфонс трепещет от радости и, вспомнивши умиравшего льва, восклицает: „Зверь великодушной! Я узнаю тебя. (...) Благодарность твоя спасла мне жизнь: почему и я с своей стороны еще спасу твою жизнь и, если надобно, буду защищать ее с опасностью моею”».⁴⁷ После чего «лев (...) подходит к Альфонсу, лижет ноги благодетеля своего, всячески его ласкает». Свидетели этого происшествия наблюдают за происходящим «в величайшем изумлении».⁴⁸ Еще одну вариацию истории на ту же тему приводит в своем «Кабинете Петра Великого» О. П. Беляев. Это рассказ о «странном приключении, случившемся в Парагвае с одною женщиною, *Мальдоната* называемою». Раненый лев заменен здесь на беременную львицу, с которой скрывающаяся от наказания героиня встречается в ее логове — пещере. Мальдоната находит «ласковой прием» нуждающегося в помощи зверя. Впоследствии благодарная львица защищает геро-

⁴⁴ Сумароков А. П. Осужденник и лев // Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе. 2-е изд. М., 1787. Ч. VII. С. 183—184. (Притчи. Книга III. № 59).

⁴⁵ См.: Гиллельсон М. И., Мушина И. Б. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: Комментарий. Л., 1977. С. 154.

⁴⁶ Детское чтение для сердца и разума. 1787. Ч. XI. № 27. С. 183.

⁴⁷ Там же. С. 188—189.

⁴⁸ Там же. С. 190.

ию от хищников, на растерзание которым она была брошена палачами.⁴⁹ Предельно упрощенную версию того же сюжета предлагает маленький рассказ «Львица (Истинное происшествие)»: ⁵⁰ поначалу смертельно испугавшийся при встрече с львицей матрос помогает ей спасти детенышей, она же из благодарности его не трогает. Перечень подобных примеров можно было бы продолжить.

В ряду подобных вариаций на тему благодарного льва «Капитанская дочка» занимает, конечно, совершенно особое положение, удаляясь от античного источника неизмеримо дальше любой из них. Сохраняясь в своих опорных моментах, сюжетная схема предания здесь радикально усложняется, наполняется принципиально иными национально-историческими реалиями, подлинный лев заменяется львом метафорическим. Однако предложенная «издателем» метафора играет в смысловой структуре романа отнюдь не локальную роль. Подобно тому, как глава «Вожатый» активизирует народно-поэтический потенциал произведения, ретроспективно вовлекая в предложенное ею прочтение и начальную, казалось бы, вовсе не «сказочную» часть текста, уподобление Пугачева льву порождает ассоциации, которые накладываются и на восприятие ранее изображенных событий, оно соотносит «Капитанскую дочку» с обширным массивом характерных для минувшей эпохи текстов, объединенных топосом благодарного льва, усиливает ощущение необычности отношений центральных персонажей, столь явно окрашивающее автобиографические записки Петра Андреевича Гринева.

⁴⁹ *Беляев О.* Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. Отд. II. С. 131—133.

⁵⁰ *Благонамеренный.* 1822. Ч. 17. № 13. С. 515—517.

© *О. В. Сливцкая*

О ПОЭТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ Л. Н. ТОЛСТОГО: «ВОЙНА И МИР»

«...Толстой — поэт, поэт, точно так же, как Тургенев»,¹ — утверждал Ап. Григорьев. Но Толстой тем уникален, что совмещает в себе трудно совместимое — поэта и строгого аналитика. Каким образом это проявляется в его антропологии? Чтобы обозначить подобный феномен, психологи оперируют понятием «поэтическая антропология».²

По словам Толстого, «область поэзии бесконечна, как жизнь; (...) Я знаю, что анализировать этого нельзя, но это чувствуется и усваивается».³ Он размышлял о «мыслях, не подлежащих выражению слов» (46, 150). По другому поводу замечал, что «определение его может довести только до абсурда» (48, 88—89). Это свидетельствует о том, что многое в бытии принципиально не подлежит формализации и многие явления невербальны по своей сути. И поэтичность среди них. Невозможно применить к анализу поэтичности точные методы, но можно попытаться описать

¹ *Григорьев А.* Литературная критика. М., 1967. С. 540.

² См.: *Поэтическая антропология — «это камертон, настраивающий жизнь на смысл»* (Зинченко В. П. Посох Осипа Манделштама и Трубка Мамардашвили: К началам органической психологии. М., 1997. С. 50; подробнее см.: Зинченко В. П. Возможна ли поэтическая антропология? М., 1994; Седакова О. А. Поэзия за пределами стихотворства // Седакова О. А. Четыре тома. М., 2010. Т. III: Poetica. С. 120—127; *Подрезова Н. Н.* Поэтическая антропология Ольги Седаковой. Иркутск, 2012; *Slivitskaya O. V.* The Poetic Nature of «War and Peace» // Critical insights: War and Peace. Amenia; New York, 2014. P. 119—134).

³ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1953. Т. 62. С. 22. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием номеров тома и страницы.